ПИТОМЦЫ
ЛАѴРСКОЙ СЕМИНАРІИ,
приносящіе
ѲИМІАМЪ ГОРЕСТИ И БЛАГОДАРНОСТИ
ВЪ ГОДОВЫЙ ДЕНЬ КОНЧИНЫ
СВОЕГО МУДРАГО ПОКРОВИТЕЛЯ И ОТЦА,
СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА ЧЛЕНА,
ВЕЛИКАГО ГОСПОДИНА,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО
ПЛАТОНА,
МИТРОПОЛІТА
МОСКОВСКАГО и КОЛОМЕНСКАГО,
СВЯТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАѴРЫ
СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРІТА,
Орденовъ Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени
КАВАЛЕРА,
Ноября 11 дня 1813 года.

МОСКВА, 1814.
Въ Университетской Типографіи.

Печатать позволяется, Февраля 12 дня 1814 года. *Ректоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Геймъ.*

ХОРЪ.

Грядите гости вожделенны
И слейте нѣжныя сердца
Съ гармоніей дѣтей плачевной
Лишенныхъ Пастыря-Отца!
Вспомнимъ тотъ печальный часъ,
Кровь когда хладѣла въ насъ.

Какъ небо щастья насъ лишило,
Отъ нашихъ глазъ ПЛАТОНА скрыло; —
Уста умолкли громоносны,
Горѣ востекъ безсмертный духъ.
Вспомнимъ тотъ печальный часъ,
Кровь когда хладѣла въ насъ.

Увы! — ужь цѣлой годъ съ Тобою,
Мы разлучаемся судьбою;
Но образъ Твой въ глазахъ у насъ,
Простри Твой взоръ — и мы свой гласъ,
Гласъ плачевный премѣнимъ,
Долгъ сыновній воздадимъ.

Простри! — Отри слезящи вѣжды!
Согрѣй въ насъ хладныя надежды!
Утѣшь дѣтей печальныхъ стонъ!
Простри Твой взоръ! — И мы свой тонъ;
Тонъ плачевный премѣнимъ,
Долгъ послѣдній воздадимъ.

Соч. Студ. Бог. М. . . . Б. . . . . .

КЪ ПАМЯТНИКУ ПЛАТОНА.

Ужь годъ — Тебя всё нѣтъ, въ могилѣ хладной скрылся,
Съ любезными дѣтьми навѣки разлучился.
Плачевный монументъ се вижу надъ Тобой,
Се зрится орошенъ сыновнею слезой!
Почто воздвигнутъ онъ — мой умъ не постигаетъ,
Не для тоголь, что онъ собой напоминаетъ
Злощастнымъ сиротамъ любезнаго Отца,
Который вѣкъ живетъ сыновъ Своихъ въ сердцахъ?
Такъ! милые птенцы, да странникъ утружденный
Воззритъ на мавзолей слезами окропленный;
Да знаетъ — кто подъ нимъ вкушаетъ вѣчный сонъ,
И скажетъ самъ въ себѣ: здѣсь мудрый Аполлонъ.
Пускай Сатурнъ косой все рушитъ — сокрушаетъ,
Колоссы твердые въ ничто преобращаетъ;
Но памятникъ любви не можетъ онъ стереть,
Безсильна передъ нимъ жестока, грозна смерть.
Покойся нашъ Отецъ, нашъ Пастырь незабвенный!
Громъ славы Твоея раздастся по вселенной.
Какъ Фениксъ будешь жить — вовѣки не умрешь,
Какъ Фебъ въ полуднѣ — Ты въ потомствѣ возблеснешь.

Соч. учен. Рит. Н. . . . Л. . . . . .

E L E G I A.

Lavra diu felix, queſtus de pectore mitte:
Nam rediit luctus triſtitiaeque dies.
Fata virum eripuere tibi, qui fovit et avxit,
Ut numen quoddam, teque tuosque diu.
Quique tuus Praeſul, qualem vix priſca tulerunt
Saecula, qui fuerat fama decusque tuum.
Luſtra decem quoties Phoebus confecerat, ille
Proſperitatis erat cura ſalusque tuae.
Lavra diu felix, queſtus de pectore mitte:
Nam rediit luctus triſtitiaeque dies.
Frigora poſt blandos redeunt brumalia ſoles,
Et pulſo aeſtivo tempore currit hiems.
Sic laeti fugere dies, rediere procellae,
Et gelidae nubes aethera ſumma tegunt.
Eſt lethalis hiems triſtiſsima mortis imago:
Haec tacito nobis itque reditque pede.
Gaudia decedunt animo, redeuntque dolores;
Et triſtis langvor corpora noſtra tenet.
Semper enim morimur, moribundi naſcimur omnes;
Perque ipſam vitam mortis aperta via eſt.
Non fugienda dies et inevitabile fatum!
Omnibus eſt vitae lux data, meta mori.
Damna tamen reparant celeres coeleſtia lunae:
Nos ubi decidimus, puluis et umbra ſumus.
Cum ſemel occideris, non te revocare valebis:
In priſcos annos non remeare licet.
Felix, qui ſtudiis captus, noctesque diesque
In veri duxit cognitione Dei.

Nulla morte cadet, cui ſunt coeleſtia curae,
Nimirum pietas, Pieridumque labor.
Haec Te, dive Plato, commendat gloria ſemper,
Poſt obitumque manens, usque perennis erit.
A teneris Tibi ſola Deo ſervire voluptas,
Sincerusque fuit relligionis amor.
Deliciaeque Tuae virtutem extendere factis,
Et vitam ſtudiis nobilitare Tuam.
Omne licet ſacrum mors importuna profanet,
Et ſubito caſu, quae valuere, ruant;
Non tamen ingenio quaesitum nomen ab aevo
Excidet: ingenio ſtat sine morte decus.
Vivet in aeternum Praeſul, dum robora tellus,
Dum caelum ſtellas, dum vehet amnis aquas.
Sic qui caeruleis cum veſpere mergitur undis,
Purior aequoreis Lucifer exit aquis.
Sic effoeta novo renovantur tempora vere;
Frigoribus pulsis sic redit avra tepens.
Sic quae brumali ceſsavit tempore tellus,
Depositas largo foenore reddit opes.
Sic rapido curſu phoenix defertur in ignes;
Surgit et ex proprio pulvere rurſus avis.
Mors equidem magnum gavdet rapuiſse Platonem;
Aſt in facta Patris nil ea juris habet.
Sis licet, alme Pater, medio telluris ademtus:
Firma tamen famae ſtant monumenta Tuae.
Ergo, etiam quum Te conſumſerit alta vetuſtas,
Vives, parsque Tui magna ſuperſtes erit.
Nomina multorum cum nox involverit umbris:
Immortale Tuum nomen honosque manent.
Poſteritas Te ſera virum mirata ſtupeſcet,
Totque Tuis factis vix habitura fidem eſt.
Et quibus ora Patris fuerint non visa, dolebunt:
Hunc equidem credunt os habuiſse Dei.
Attamen hoc nobis aderat ſpectabile sidus:

Et ſtudii noſtri duxque comesque fuit.
Jam vidiſse decus tantum lave magna futura eſt,
Et ceciniſse virum carmine multus honos.
O Plato! Lavra Tuas lavdes extollit ad alta
Atria; nec totum Te periiſse sinet:
O Pater! o patriae columen tutelaque noſtrae,
Et magnos inter vir numerande viros!
Ibis ad aetereum Numen cum fronte ſerena:
Et sidus ſuperis adjiciare novum.
Non tamen ex animis noſtris et mente recedes:
Nam vultusque Tui verbaque fixa manent.
Omnibus ante oculos praeſentis imago Platonis
Haeret, et extinctum vivere fingit amor.
Chriſtiadum nam turba Tuos conſervat honores;
Et celebrat curas Russia tota Tuas.
Sic voces noſtras animosque feramus ad aſtra,
Ut Patris eximii molliter oſsa cubent!

Stud. Th. J. . . . P. . . .

ПУТИ
ПЛАТОНА
КЪ СЛАВѢ И БЕЗСМЕРТІЮ.

Какъ дубы древніе въ полнощи,
Когда утихнетъ бури свистъ,
Безмолвно дремлютъ среди рощи —
Мертвѣетъ говорливой листъ.
Все спитъ кругомъ — въ долинѣ мраки,
Лишь странника унылой взоръ
Тревожатъ дикіе призраки,
Межь тѣмъ, какъ эхо изъ-за горъ
Наноситъ шумно водъ стремленье —
То скалъ — то льдовъ съ высотъ паденье.

Протекши въ вѣчность такъ рядами
Вѣка въ безмолвной тишинѣ,
Чреваты славными дѣлами,
Вздремавъ въ туманной будто млѣ,
Тревожатъ любопытный умъ,
Который сквозь временъ предѣлы
Проникъ туда; — но славы шумъ
Замедлилъ духъ въ пареньи смѣлый.
Величье предковъ — призракъ въ млѣ —
Какъ грохотъ — эха въ тишинѣ.

Осьмнадцати столѣтій сонмъ,
Протекшихъ отъ временъ Христовыхъ,
Какъ въ тучахъ дальнихъ дикой громъ
Пространствъ безмѣрныхъ рветъ оковы.

Въ потомствѣ позднομъ — въ отдаленьи,
Какъ будто сквозь туманну мглу,
Какъ тѣнь — какъ въ мракахъ привидѣнье
Дѣла Мужей великихъ зрю.
Дивлюсь — и ими духъ питаю,
Не зрю — но мыслью созерцаю.

Представь, какъ неба на зыбяхъ,
Среди необозримой бездны,
Тѣ въ кроткомъ свѣтѣ, тѣ въ лучахъ
Сквозь дольни мраки рѣютъ звѣзды;
Но въ сонмѣ сихъ свѣтилъ одна
Величьемъ, блескомъ, красотою
Всѣхъ превосходнѣе луна,
И спутники ея стезёю,
Какъ силъ вождю стремясь во слѣдъ,
За ней въ путяхъ льютъ слабой свѣтъ.

Или какъ въ злачныхъ берегахъ
Струятъ свой рѣки токъ обширный,
И на волнистыхъ раменахъ
Несутъ богатства въ градъ обильны;
Объявъ пространства многихъ странъ;
Но что величье рѣкъ для взора,
Когда безбрежный Океанъ
Средь бурь — среди стихіевъ спора,
На легкихъ вздушныхъ парусахъ
Несетъ стрѣлой корабль въ волнахъ?

Или — хребты высокихъ горъ,
Какъ исполины предъ холмами
Величьемъ поражаютъ взоръ,
Въ верху вѣнчаясь облаками,
Тѣ молньи отражаютъ льдомъ,
Тѣ съ шумомъ вергутъ въ бездны воды,

Тѣ въ тучахъ съ ребръ стрясаютъ громъ;
Но между сихъ чудесъ Природы,
Когда Везувій возгорится,
Какой феноменъ съ нимъ сравнится? —

Не такъ ли славы обелиски
Бросаютъ блескъ въ потомство свой,
Дѣлажъ обыкновенны, — низки
Предъ ними будто скрыты мглой?
Во всѣхъ всему не льзя не быть;
Но дѣлъ великихъ созерцанье
Въ различныхъ лицахъ — слабой видъ;
И лишь въ одномъ добротъ сліяньѣ,
Какъ всѣхъ красотъ одна картина,
Черта безсмертья есть едина.

Въ одномъ? — Но что явленья дивны?
Какой избранный родъ людей,
Свершая жизни путь общирный,
Безсмертной славою своей
Въ потомствѣ позднемъ бросить громъ?
Кто видѣнъ изъ народной сферы,
Какъ исполинъ горѣ челомъ
Явивъ великихъ дѣлъ примѣры?
Кто сей! — Кому судьбы вручили
Въ дѣяньяхъ непостижны силы?

Кто сей великій человѣкъ?
Хотите ль образъ зрѣть Героя?
Воззрите на протекшій вѣкъ —
И мирнаго въ тѣни покоя,
Въ незначущей и низкой долѣ,
Едва примѣтный — славы сынъ —
Простой цвѣтокъ въ далекомъ полѣ
Безвѣстенъ бывъ, ни кѣмъ не зримъ,

Вдругъ будто изъ за горъ
Блеснетъ и ослѣпитъ вашъ взоръ.
Не шагами исполинскими,
Какъ въ мечтахъ воображенія
Мы ведемъ Героевъ славы въ храмъ.
А простой стезей природною,
Какъ рѣка въ долинѣ тихая
Кроткимъ въ сонмѣ водъ разлитіемъ,
Возвышаются Великіе.
Вотъ подъ кровомъ бѣдной хижины,
Безъ искуства воспитанія,
Безъ примѣровъ градской тонкости,
Въ простотѣ природы сельскія,
Въ нѣжныхъ матернихъ объятіяхъ
Улыбается младенецъ тотъ,
Въ коемъ послѣ вѣки поздные
Узрятъ Генія безсмертнаго.
Ахъ! какой Оракулъ древности
Пророчетъ Его величіе
Въ семъ ничтожномъ состояніи?
Кто въ кругу семейства малаго
Думалъ, что ПЛАТОНА славою
Отзовутся вѣки поздные?
Можетъ быть — но какъ надѣяться?
Не сквозь тучь осеннихъ на небѣ
Улыбается заря въ огняхъ,
Не въ пустыняхъ степи знойныя
Возрастаютъ нивы злачныя;
Не въ странахъ холодныхъ Сѣвера
Разцвѣтаютъ розы Майскія; —
Можетъ быть — но какъ надѣяться?
Вотъ съ весною юныхъ лѣтъ
Будто утренній разсвѣтъ,
Духъ въ талантахъ развернулся,
Умъ отъ слабостей проснулся,

Новы силы — новой видъ,
Въ сердцѣ огнь сильнѣй горитъ,
Подъ Минервинымъ покровомъ
Возрастаетъ въ блескѣ новомъ.
Гдѣжъ величіе? Мечта! —
Въ юномъ духѣ красота
Отцвѣтетъ съ Его лѣтами
И — безсмертье за горами . . .
Можетъ быть — но какъ гадать?
Ахъ! и солнце тучи тмятъ. —

Вотъ возрастаетъ въ крѣпости духъ!
Плодъ дарованій зримъ въ красотахъ
Новою силой въ сонмѣ наукъ.
Быстръ, какъ орелъ, паритъ въ высотахъ —
Зритъ на предметы — разума свѣтъ
Цѣнитъ въ искуствахъ каждой предметъ.
Здѣсь ли безсмертія лавры цвѣтутъ? —
Нѣтъ! — еще подвигъ не весь совершенъ,
Труденъ безъ Генія славы въ храмъ путь —
Безъ превосходства сквозь мраки временъ
Кто средь потомства когда возгремѣлъ?
Чей вѣчно въ юности лавръ зеленѣлъ? —
Можетъ быть слава какъ эхо промчится
Въ дальни предѣлы — но льзя ль положиться? . . .
Вотъ умъ неопытный досель руководимый,
Какъ среди осени тучнѣютъ злачны нивы,
Исполненъ опытовъ въ познаньяхъ возмужалъ,
Другимъ подпорою — вождемъ — примѣромъ сталъ.
Дерзаетъ смѣлою въ путь мудрости стопою,
И эхо дѣлъ Его несется вдаль молвою.
Безвѣстный всѣмъ досель, вдругъ будто солнца лучь
Румяный бросилъ свѣтъ сквозь мглу — сквозь мраки тучь.
Надежда слабая теперь о Немъ крѣпится,
Рожденный въ простотѣ, съ великими сравнится,

Иль можетъ быть межь нихъ, какъ нѣкій исполинъ,
Стезей безсмертія Онъ потечетъ одинъ —
Одинъ въ величіи — и вотъ уже близь трона
Изъ устъ земныхъ Боговъ гремитъ хвала ПЛАТОНА! —
Тому, Которой росъ, знакомясь съ нищетой,
Какъ другу входъ открытъ въ Царевъ чертогъ златой!
Того, Которой былъ рожденъ въ столь низкой долѣ,
Порфирородные питомцы на Престолѣ! —
Въ глаголахъ силенъ, мудръ, непостижимъ въ дѣлахъ,
Великъ предъ равными — великъ въ простыхъ глазахъ.
Науки подъ Его хранимые покровомъ
Взрастаютъ въ красотѣ — сіяютъ въ блескѣ новомъ.
И се! — Духовный вождь — и зиждетъ Вѣры духъ,
Престолу — мудрости — закону — церкви другъ.
Сбылись надежды въ Немъ — достигъ Герой нашъ цѣли!
Чего безсмертнаго отсель мы въ Немъ не зрѣли? —
Любимцы Мудраго! представьте, сколько разъ
Въ восторгѣ мы своемъ любви возвыся гласъ,
Другъ друга превзойти Ему въ хвалахъ старались,
И каждой мигъ умомъ въ Его дѣлахъ терялись.
Скажите, чѣмъ когда Онъ духъ нашъ не плѣнилъ?
Въ комъ зрѣли мы Его? — Съ кѣмъ Онъ себя сравнилъ? —

Одинъ изъ питомцевъ.

Какъ Моисей Богоизбранный,
Безбѣдно въ ропотахъ средь прей
Въ покой страны обѣтованной,
Велъ сонмъ Израильскихъ людей:
Такъ Онъ не робкою стопой,
Какъ вождь, свершая путь чудесный,
Не тронутъ міра суетой,
Влекъ вѣрныхъ сонмъ въ покой небесный,
Средь бѣдъ мужаться научилъ,
И вѣрой слабый духъ крѣпилъ.

2.

„Какъ древле первенецъ въ Левитахъ
Зрѣлъ судъ небесъ предъ олтаремъ
Ему таинственный открытый:
Такъ сила благодати въ Немъ
Писаній ясно духъ прозрѣла: —
Бывъ въ тайны Вѣры погруженъ,
Сквозь плоти мрачнаго предѣла
Онъ духомъ въ небо вознесенъ,
Блаженства избранныхъ къ Творцу,
Бесѣдовалъ *лицемъ къ лицу.*"

3.

„Какъ храмъ не зыблемъ Соломонъ
Сей зиждетъ вѣры храмъ чудесный,
Тотъ земный древле, Сей небесный
Избранныхъ назидалъ Сіонъ,
Духъ мудрости, совѣта, силъ
Въ себѣ, въ дѣлахъ Своихъ вмѣстилъ."

4.

„Какъ другъ Христовъ — какъ самый Петръ,
Героемъ въ дѣлѣ Вѣры зрится,
Средь вихрей міра — всюду твердъ,
И церковь въ браняхъ Имъ крѣпится.
Напрасно ереси — расколы
Въ мятежномъ сонмѣ востаютъ,
Что древнихъ Аріевъ соборы?
Дерзнетъ ли кто Его препнуть?
Речетъ — и врагъ его молчитъ —
Несокрушимъ Его эгидъ."

5.

„Какъ прежде дивный Златоустъ
Владѣлъ — располагалъ сердцами:

Плѣнялъ и Сей глаголомъ устъ;
Какъ солнце въ теплотѣ лучами,
Проникъ сердца и озарилъ —
Примѣромъ — словомъ — всѣмъ училъ."

Такъ! всѣ сіи черты въ Немъ очень ясно зримы,
И съ славой дѣлъ Его пребудутъ вѣкъ хранимы.
Но помните ль еще, какъ кистію живой
Равняли мы Его природы съ красотой?
Какія мы тогда картины рисовали,
И чемъ черты добротъ Его изображали?

6.

„Какъ лучезарный Фебъ, сквозь эѳиръ проницая
И благотворный лучь на землю простирая,
Живитъ — раститъ цвѣты — имъ красятся поля —
Имъ долъ — имъ горъ верхи — имъ вся живетъ земля:
Такъ Солнцемъ нашихъ дней сей вертоградъ живился,
Его премудростью духъ юныхъ озарился."

7.

„Какъ кроткая луна въ полнощи льетъ свой свѣтъ —
И страннику въ пути опасностей съ ней нѣтъ:
Такъ духъ неопытный препятствій не находитъ,
Гдѣ духомъ Онъ Своимъ въ путяхъ наукъ предходитъ."

8.

„Какъ водъ потокъ поитъ долины,
Питаетъ влагою цвѣты,
Взращаетъ благовонны крины
И возрождаетъ красоты:
Такъ Онъ премудрости струей —
Течетъ — и души оживляетъ,
Какъ ниву сердце утучняетъ —
Нашъ умъ плодотворитъ Собой."

9.

„Небесной силою крѣпимъ,
Какъ кедръ, стоитъ неколебимъ

Среди стихійныхъ міра преній,
И окрестъ простирая тѣни,
Какъ странника, своихъ дѣтей
Покоитъ благостью своей."

10.

„Какъ скромной нощи въ тишинѣ
Не слышенъ шумъ ужасной бури,
Лишь только звѣзды средь лазури
Блестятъ лучемъ въ туманной мглѣ:
Такъ духъ Его бывъ чуждъ страстей,
Лишь блещетъ славой въ даль своей."

11.

„Какъ Май зарею улыбнется,
Вдругъ все твореніе проснется,
Все окрестъ восхищаетъ взоры,
Плѣняютъ слухъ пернатыхъ хоры:
Такъ мы, когда Его срѣтали,
Восторгомъ юной духъ питали."

12.

„Какъ въ тучахъ горъ сердца кремнисты
Проникли молніи огнисты:
Такъ Вѣры свѣтъ — такъ гласъ Отца
Проникъ жестокія сердца."

13.

„Какъ выспрь орелъ простря полетъ,
Ведетъ птенцовъ зрѣть солнца свѣтъ:
Онъ нашу юность воскриляетъ,
Хранитъ въ пути и одобряетъ,
И отчимъ слѣдомъ къ небесамъ
Возноситъ насъ, взносяся самъ."

14.

„Какъ пеликанъ любя дѣтей,
Питаетъ грудью ихъ своей:

Такъ онъ, забывъ для насъ Себя,
Блаженство наше назидаетъ,
Покоя, жизни не щадя,
Трудами дни Свои считаетъ."

15.

„Какъ фениксъ въ пеплѣ возродится,
И въ новой красотѣ явится;
Взгремитъ на часъ умолкша трель,
Какъ сладкосласная свирель:
Такъ духъ Его — дѣла безсмертны
Прейдутъ предѣлъ вѣковъ безмѣрный:
Такъ Онъ стрясая плоти прахъ,
Не умретъ въ поздныхъ временахъ."

Какъ фениксъ вѣчный! — такъ мой другъ!
Вотъ! прахъ Его оставилъ духъ —
Чтожъ дни мы не въ восторгѣ болѣ,
Но въ горестной проводимъ долѣ?
Почто слезой кропимъ мы прахъ,
Когда и въ поздныхъ временахъ
Великій Мужъ не умираетъ,
И въ смерти смерти Онъ не знаетъ?
Живи безсмертный полу-богъ!
Доколь подъ золотой Державой,
Въ сынахъ своихъ вѣнчаясь славой,
Россія вознесетъ свой рогъ:
Тебя потомство не забудетъ,
И вѣчно день сей славить будетъ. —

Ст. Бог. Я. . . . П. . . . .

ODE.

Alme sol, curru nitido revelas
Qui diem et celas, aliusque et idem
Nasceris, nil tristius orbe possis
Visere nostro.

Annui nunc testis ades doloris,
Qui prius per lustra decem usque Lavram
Videras laetum juvenumque passim
Gaudia ferri.

Dic, quibus terris videas deorsum,
Aut quibus Patrem sociis adesse?
Atque terrarum angulus ille solus
Ridet alumnis.

Cur adhuc orbi memores malorum
Intimis curas animis fovemus?
Desinet solis prius atque nostri
Ignis amoris.

Ille Lavro ornandus Appollinari
Vixit, altrices recreans Camoenas,
Caeterosque inter, velut inter ignes
Luna minores:

Saeculi nostri decus eminebat:
Notus in quemvis animi paterni,
Nemini infestus, superis recessit
Gratus et imis.

Non silens quondam gelidumve marmor
Posteris nomen referet PLATONIS:
Illum amor tradet calamo diserto
Corde superstes.

Illius nunquam tumulus manebit
Cespite obductus, lacrymisque molem
Aeris, affixus tumulo, lavabit
Gratus alumnus.

Stu. Th. N. .... A. ....

РАЗГОВОРЪ.

ГЕНІЙ ПЛАТОНА

и два питомца.

Представляется урна, заключающая прахъ Его. Геній, вышедъ, съ продолженіе музыки озираетъ урну, потомъ говоритъ:

Такъ! — Твой, ПЛАТОНЪ, безсмертный духъ,
На горизонтѣ жизни бренной,
Обтекши свой Титанскій кругъ,
Паритъ изъ тлѣна въ міръ нетлѣнный —
Ты жилъ въ сей жизни для него!
Пусть червь останки гроба гложетъ —
Коснуться духа онъ не можетъ:
Ты выше тлѣннаго всего.

Поетъ:

Кто жилъ въ семъ мірѣ для людей —
Отечества былъ другомъ, Трона;
Тому не нуженъ мавзолей. —
Безъ мавзолеевъ и колоссовъ
Узнаютъ всѣ потомки Россовъ
Великія дѣла ПЛАТОНА:
Онъ будетъ вѣчно жить въ сердцахъ. *Уходитъ.*

Вдругъ вбѣгаютъ два питомца — и павши на колѣни предъ урною, говорятъ:

Оба: Сюда! сюда! — къ сей урнѣ мрачной,
Гдѣ скрытъ прахъ нѣжнаго Отца —

Излить гласъ скорби ежечасной
Спѣшите юныя сердца —
1) Ужь годъ — какъ Твой безцѣнной прахъ,
Отецъ! въ сей урнѣ почиваетъ!
2) Ужь годъ — какъ въ дѣтскихъ сихъ сердцахъ
Скорбь безутѣшна обитаетъ.

Поютъ:

Отецъ нашъ! — Другъ нашъ! Ангелъ милый!
Куда сокрылся Ты отъ насъ?
Внимаешь ли сей гласъ унылый,
Гласъ сердца — чувствій дѣтскихъ гласъ?
Мы по Тебѣ здѣсь слезы льемъ!
Ахъ! въ комъ себѣ отца найдемъ? . . .

Встаютъ.

1) Увы, свершилось все! — Съ Нимъ щастье отлетѣло!
2) И мѣра нашихъ золъ созрѣла!

Геній поетъ за сценой:

Престаньте дѣти такъ терзаться —
Отецъ вашъ, Другъ, вашъ Ангелъ живъ —
На Бога должно полагаться:
Онъ призритъ васъ дѣтей Своихъ.
1) Кто тамъ? Кто тамъ вѣщаетъ?
2) Не Геній ли Его насъ въ скорьби утѣшаетъ?

Геній еще поетъ:

Престаньте дѣти такъ терзаться —
Отецъ вашъ, Другъ, вашъ Ангелъ живъ —
На Бога должно полагаться:
Онъ призритъ васъ дѣтей Своихъ.
1) Онъ живъ! 2) Онъ живъ! (*оба*) Пойдемъ! —
1) Намъ сердце скажетъ гдѣ — 2) вездѣ его найдемъ!

Геній выходитъ на сцену.

Останьтесь дѣти — вашъ Отецъ
Съ высотъ внимаетъ гласъ сердецъ.

И се отъ горнихъ странъ эѳира
Вамъ вѣстника низпосылаетъ мира —
1) Да гдѣ же Онъ? Пусть мы Его облобызаемъ. —

Геній.

Онъ духомъ въ небесахъ, а тѣломъ въ урнѣ сей —
Но съ вами мудростью Своей —
Какъ духъ — собой неосязаемъ.
Оба. Такъ нѣтъ Его! — Увы! кто къ щастію прямому
Покажетъ истинну дорогу?
1) Вдовицамъ, сиротамъ кто слезы оботретъ?
2) Невинность твердый въ комъ покровъ себѣ найдетъ?
1) Нѣтъ болѣе Отца — слезъ изтекайте рѣки!
2) Погасло щастіе, погасло съ Нимъ навѣки!

Геній.

Оставьте юные! оставьте скорбь свою:
Я утѣшеніе въ вашъ скорбный духъ пролью. —
Хоть Пастырь вашъ теперь на небѣ жизнь вкушаетъ;
Но Геній благъ Его — Онъ васъ не оставляетъ,
Послѣдню волю лишь исполните Его:
Любите также вы, какъ Онъ любилъ добро.
Для добраго всегда дни мирные, благіе!
Кто добръ, тотъ и щастливъ — нещастливы лишь злые. —
Для васъ оставилъ Онъ сихъ бдительныхъ отцовъ —
Спокойства, мирныхъ дней и щастія творцовъ.
И такъ прахъ Пастыря слезами вы почтите,
Надежду щастія на Бога возложите.
Оба. Прости Отецъ нашъ! Другъ благой!
Внемли, мы съ дѣтской простотой
Предъ урною Твоей плачевной,
Гдѣ прахъ Твой скрытъ для всѣхъ почтенной,
Гласъ сердца изливаемъ свой!

П о э т ъ:

Другъ добродѣтели священной,
Покоясь въ мирѣ, почивай —
Будь прахомъ въ урнѣ сей безцѣнной,
Но духомъ насъ не оставляй:
Для насъ Ты Ангеломъ здѣсь былъ,
Невинности, добру училъ.
Мы благостей Твоихъ вовѣки не забудемъ,
Твоими были здѣсь — Твоими вѣкъ пребудемъ.
1) Прости — 2) Прости! *Уходятъ.*

Г е н і й.

Вотъ юность какъ творца блаженства вспоминаетъ!
Благотворителемъ ктожъ быть не возжелаетъ? —

Ст. Бог. А. . . . Ц. . . . . .

Σ Τ Ι Χ Ο Ι.

Λοιπὸν ἀπέρασεν ὁ χρόνος
Τῆς μακαρίας τελευτῆς
Τοῦ ἀσυγγρήτου μας ΠΛΑΤΩ͂ΝΟΣ! —
Δεν εἶναι οὗτος πλέον ἐπὶ γῆς!

Νά τοῦ ὁ τάφος ἱερὸς,
Ὁποῦ ἐθήκαμεν αὐτὸν,
Ὁποῦ ἓν σῶμα τοῦ ἀνδρὸς;
Τὸ πνεῦμα δὲ — εἰς οὐρανὸν!
Νά ἔλαβεν αὐτοῦ ἡ Φύσις
Ἀγγέλων ἀσάρκων αἰσθήσεις,
Ἀπῆλθεν ἡ ψυχὴ εἰς οὐρανοὺς,
Ἐκεῖ νὰ γεύσῃ ἀρετῶν καρποὺς.

Τί οὖν τὸ πλῆθος τῶν δακρύων
Ἐπὶ τὸ μνῆμα τοῦ Πατρὸς,
Ὁποῦ δι' ἀρετὰς ἀπὸ τὸ Θεῖον
Ἀντὶ τῆς γῆς ἐδόθη οὐρανός;

Τιμήσωμεν εἰς τὴν παρηγορίαν
Ὦ τέκνα τοῦ Πατρὸς ἀθανασίαν.

Ὦ Φοῖβ', ὁποῦ ἀληθινὴν
Μας ἔδωκας τὴν εὐτυχίαν

Ἀσάλευτον καὶ ἡσυχίαν
Νῦν δέξ' ἀνάθεσιν κοινήν.

Ἀνάθεσις τῶν τέκνων ἡ καρδία
Πρὸ πάντων εἶναι μνήμη ἡ ἀξία.

Ἀπὸ αὐτῆς δὲ ἀνωτάτης
Τοῦ κόσμου τῆς περιωπῆς
Ἂς πέμπῃς, μας προστάτης,
Τὴν εὐλογίαν ὀρφανοῖς!!! —

Φιλομαθ. τῆς Φιλ. Τ.... Π....

~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

Aux mânes du Métropolitain Platon.

Tendre Père des enfans orphelins!
Tu n'es plus! c'en eſt fait; la perte eſt éternelle.
Tu n'es plus ici-bas! Lé trépas furieux
Trancha de ſa faux cruelle
Le fil de Tes jours glorieux.
Mais notre amour Te ſuit jusqu'aux bords du néant,
Au-delà du tombeau Te reſpecte et t'honore,
Oui, nous T'éſtimâmes vivant,
Et nous Te chériſſons encore.
Tu vis, ſans T'ebranler, la mort qui nous détruit;
Dans ce moment affreux dont frémit la Nature,
Ton courage étonnant Te ſoutint, te conduit,
Et Ton ame juſte et pure
Par un généreux effort
Surpaſsa les terreurs frivoles de la mort.
Hélas! Qu'eſt devenu ce coeur si magnanime,
Cet esprit tendre et ſublime?
Qu'eſt devenu le grand PLATON?
Tu n'es plus ici-bas, notre Apollon!
Ah! triſte ſouvenir, regret plein-d'amertume!
Stoicisme inſenſé, vainement Tu préſumes
De garantir le coeur contre les coups du ſort.
Qui peut ne pas pleurer? Grand Dieu! PLATON eſt mort!
Il n'eſt donc que trop vrai: la mort inexorable
Ravit également le vulgaire hébété,
Et le sage respectable;
Elle n'épargne rien, vice, ni dignité.

Mais que dis-je? tandisque le faible vulgaire,
Qui languit ici-bas toujours dans la misère
Traîne ſes jours et ſon nom avili,
Sortant de ce ſonge
Pour jamais ſe plonge
Dans un ſombre oubli:
Sur Tes vertus, PLATON, la mort n'a point de priſe;
Au-delà du trépas Te bénira l'Eglise;
Ta vertu et Tes grands talens
Sont au-deſsus de tous les tems.
Ombre illuſtre! Tu vois Ta mémoire éſtimée,
Et dans ſon vol la promte renommée
Ne publier que Tes vertus.
Qui peut ne pas pleurer? PLATON n'eſt plus.
Pour ſoulager notre plainte,
Nous allons ſur Ta cendre éteinte
Te vouer nos ſoupirs, nos pleurs,
Et joncher Ton tombeau de fleurs
Qu'auront arroſé nos larmes.

Etud. en Th. G. . . . B. . . .

Auf Erzbischofs Platon Tod.

Es ist ein Jahr jetzt schon verfloßen,
Als kalter Leichnaam unsers großen
Wohlthäters in dem Grabe ruht.
O welch ist das für uns Wehmuth!
Die süßen Hoffnungen und Freuden
Sind nun dahin: der Wahrheit Helden
Hat endlich Tod von uns entfernt;
Er nicht mit seinen Kindern lebt,
Und wird Er nicht mit ihnen leben.
Wer mag nicht seinen Tod beweinen?
Mit einem sanften, hellen Licht
Glänzt nicht, o Vater, dein Gesicht,
Wo spiegelten sich Weisheit, Güte,
Rechtschaffenheit in dem Gemüthe.
Du bist gestorben, unser Freund!
Doch lebest du mit Gott vereint.
Wie müßen wir Dich nun verehren?
Wie? mit Barmherzigkeit und Thränen.
Du, der Du in den Himmeln thronst!
Laß Ihn da wohnen, wo Du wohnst!
Laß Ihn aus seinem Grabe gehen,
Und rein mit deinen Engeln stehen!
Mit allen Frommen allerzeit
Laß Ihn sich freun in Ewigkeit.

Der Stud. in der Phil. S...... K.....

LUCTUS

filiorum sincerus.

Quae tam vaſta polum mox obduxêre ſerenum
Agmina nimborum? quae nox tam coeca per altum
Aëra ſe tollit? Jam vaſta ſilentia toto
Concilio regnant; quid pectora plena dolore,
Triſte ſupercilium, facie frons aspera triſti,
Quid ſibi vult moeror per tot ſigna ore? Quousque
Spem quatiunt dubiam bellorum incendia, noſtro
Jam procul imperio? Gravior ſed pectori inhaeſit
Angor; per terras Martis non damna ferocis,
Annua lugemus, fato redeuntia triſti.
Insigni vacuus jam lumine vertitur annus;
Sole latente redit nigris lux triſtior umbris,
Cur non ſollicitis animos teſtantia gratos
Carmina moliri curis juvat? Agmine laeto
Cur non Musarum ſolennia? triſtior unde
Haec nubes Helicona tegit? PLATO deficit orbi!
Damna ſonat tempus, non incrementa dierum;
In luctus abeunt ſolitosque in funere ritus,
Publica feſta olim doleant tot pectora terris:
Dempta eſt lux patriae! Quis enim non damna dolebit
Jacturamque ſuae, luget dum fata PLATONIS,
Fortunae? Plorasse ſatis quis funera poſsit,
Abſtulerant quae ſpem vitae melioris? Hucusque,
Cum jam cygneas referebant tempora plumas,
Signaque feſtinae dederunt albentia mortis;
Vellemus ſupereſse Virum, cui nixa juventus,

Caeteraque in ſenium vitam, *quae protrahit aetas*,
Communi cuperent ſua ſaecula ſtamine duci,
Et ſimul alternis producere longius unam
Aetatum vicibus vitam. Proh, ordine verſo
Naturae licuit non mille rependere vitis
Eximere et morti ſacrum caput! Invida magnis
Fata viris ſemper mortem importunius aequo
Misêre et fecêre brevem, *quae duxerit annos*
Vel centum vita. O noſtri nunc causa doloris,
Spesque, fidesque olim, patriae lux unica terrae!
Quot ſortita Tuo de lumine ſidera lucem
Lumen agunt, variis patriae regionis in oris!
Aemula quot virtus exercet pectora, cujus
Materiam exemplum ſemper dedit! invia quotis
Mentibus ad Musas duce te patuit via! Noſtris
Luſibus et quoties animum advertiſſe benignum
Vidimus, in ſtudiumque animos dare! Nunc quoque, poſtquam
Funera Te rapiunt oculis, non pectore noſtro;
Quot cupidos etiam ſacro de fonte repleri
Doctrina elinguis! Sic publica ſolis imago
Si terris ſubito radios abſconderit imis;
Coecis tota ſuum tenebris natura nitorem
Exueret, lucisque aliis aliisque teporis
Copia deficeret rebus, nec ſemina vitae
Sufficerent multis. Igitur mens provida nobis
Numinis! occludi pateris cur lumina, Sacrum
Et caput humanam ſortem ſubiisse juvabit?
Numina Rossiacis nondum ſatiata ruinis!
Unde *modus lacrymis*, *noſtri ſolamina luctûs*?
Jamque obit alternas, alimus dum vulnera venis
Terra vices, totusque aegris consumitur annus
Luctibus: autumni terris jam murmura, caela
Nubibus involuta fremunt; Proh dira relatû
Tempora! mens meminisse horret, mea pectora durant;
Dum ſubit horrenda illius vel temporis umbra,

Afsiduo clarae flammarum lumine noctes,
Fumo nigra dies, auguftae incendia Mosquae!
Et fumant etiam ambuftis fragmenta ruinis,
Haeret et in patriae luiturus limine terrae,
Hoftis adhuc poenas; — Caput imperii obruit alter
Casus et incensum efse parum, monumentaque ftrata,
Ipsorum auctorem, praesens quo floruit aetas,
Mors inopina rapit, novaque implicat ulcera cordi.
O fidus fauftum, nobis et lumen amicum,
Gloria Rossiacae gentis, Regumque magifter!
Divinae lux doctrinae, fuper aethera fama
Notus et exemplo, nunquam quod praebuit alter
Virtutis! Te nunc terris lugemus abesse,
Laetamur coelis, animis, quae praemia caftis.
Sic PLATO, Tu fummis abiifti gratus et imis!
Vade igitur clarum per faecula longa PLATONIS
Nomen, et auspiciis signa melioribus annum;
Non Te felici nobis contingere fato,
Ore ageris quoties, femper doluifse juvabit.

Stud. Th. T.... P....

БЕЗСМЕРТІЕ ПЛАТОНА.

Средь мраковъ нощи и тумана
Пловецъ, застиженный грозой,
На бурной влагѣ Океана
Теряетъ духъ отважной свой;
Колеблется, какъ зыбки волны,
Отчаянья и страха полный;
Опасность всюду предстоитъ, —
Стихія брегъ отъ взоровъ скрыла,
Безъ пользы самыя вѣтрила,
Все ужасъ, трепетъ въ немъ родитъ!

Затмился чистый блескъ лазури,
Померкли звѣзды въ небесахъ,
Лишь множатся ужасны бури,
Лишь шумъ, лишь мраки на водахъ. —
Потерянъ путь и нѣтъ спасенья,
Нѣтъ помощи, нѣтъ избавленья! —
Мчитъ вихрь порывистый судно,
За громомъ громъ къ нему катится,
И за волной волна стремится, —
Смерть кажетъ блѣдное чело!

Но въ устьи пристани глубокой
Вознесшись къ облакамъ скала,
Ужасной бури ревъ жестокой,
Зубчаты молньи вкругъ чела,
Перуна пламенны удары,
И волны презираетъ яры.

Она возвысивъ свой хребетъ,
Свѣтильникъ на челѣ кремнистомъ
Хранитъ, — и свѣтомъ вкругъ огнистымъ
Вдаль озаряетъ бездны волнъ.

Средь влажной хладной сей могилы
Пловецъ приходитъ самъ въ себя; —
Послѣднія собравши силы,
Опасность явную презря,
Съ отрадой въ сердцѣ возрожденной,
Въ душѣ съ надеждой оживленной,
Летитъ на парусныхъ крылахъ,
Летитъ — забывши страшны громы,
Летитъ чрезъ пропасти бездонны, —
И пристань видитъ по бѣдахъ.

Не такъ ли Промыслъ благотворный
Для блага бѣдственныхъ людей,
Какъ свѣтъ возжегши животворный,
Великихъ въ міръ изводитъ сей?
Не такъ ли мудрости небесной
Ліютъ они здѣсь свѣтъ чудесный?
Не такъ ли мракъ житейскихъ тучь
Ученья свѣтомъ разгоняютъ,
Ослабшихъ духомъ подкрѣпляютъ,
Родятъ въ нихъ новый жизни лучь?

Но ахъ! сіи свѣтила міра
Надолголь свѣтъ ліютъ въ немъ свой?
И ихъ печальная могила,
И ихъ подъ гробовой доской
Отъ взоровъ жаждущихъ скрываетъ,
И ихъ косою смерть сражаетъ!
Почто и имъ пощады нѣтъ?
Ихъ умъ есть вождь для смертныхъ вѣрный;

Ихъ жизнь есть образецъ примѣрный —
Почто лишается ихъ свѣтъ?

И Ты, о Пастырь, міръ оставилъ!
И Ты *позналъ природы чинъ!*
Въ комъ Богъ намъ образъ Свой представилъ;
Чтобъ церкви долней каждый сынъ
Тобою въ вѣрѣ поучался,
И showзнямъ міра не вдавался;
Чтобъ взоръ и мысль всегда вперялъ
Въ небесны мирныя селенья,
И средь напасти, искушенья
Онъ духомъ къ Богу воспарялъ.

Такъ, Пастырь! *міръ, какъ бурно море,*
Въ немъ волны — зло, лесть — ярость тучь;
Бѣды въ немъ — бури, мрачность горе; —
Въ немъ вихри — страсти, нужда — путь;
А мы — пловцы на немъ злощастны! —
Почтожъ судьбой, для насъ нещастной,
Почто позналъ Ты смертный часъ?
Еще не всѣ достигли цѣли,
Мы въ юности осиротѣли:
Ты въ поприщѣ оставилъ насъ!

Едва зловредный врагъ святынѣ
Позналъ своихъ неравность силъ;
Едва потекъ онъ вспять въ гордынѣ,
И *Ангелъ смерти въ тылъ разилъ;*
Едва мы слезы осушили,
И въ радости къ Тебѣ спѣшили,
Спѣшили день сей ликовать,
Спѣшили взоръ узрѣть священный,
И успокоить духъ смятенный;
Но смерть пришла къ Тебѣ какъ тать! —

Но успокоимся въ печали,
Сотремъ потоки слезны съ глазъ:
Онъ не совсѣмъ разстался съ нами,
Такъ! есть Его залогъ у насъ. —
Онъ сонмъ мужей сихъ намъ поставилъ,
Чтобъ по слѣдамъ мы шли ихъ правилъ;
Ихъ мудрость — вѣрный есть залогъ
Его любви къ намъ несравненной,
А Геній — духъ Его священной —
Онъ живъ, Онъ тамъ, гдѣ вѣчность, Богъ! —

Онъ живъ! — Пусть червь гробницу гложетъ,
Гнѣздяся близь Его костей;
Коснуться духа онъ не можетъ —
Онъ съ тѣломъ міръ оставилъ сей,
Блистать чтобъ новой красотою; —
Онъ живъ — и воспарилъ къ покою
Среди нетлѣющихъ добротъ.
Онъ живъ — и въ небо преселился,
Гдѣ со Христомъ соединился
Священъ потомству въ родъ и родъ!

Живи, о Пастырь! наслаждайся
Плодомъ Твоихъ великихъ дѣлъ!
И болѣ тѣмъ Ты украшайся,
Кто въ свѣтъ Тебя для нихъ извелъ.
Живи, гдѣ воплей нѣтъ, стенанья,
Гдѣ нѣтъ печали, воздыханья;
Да надъ дѣтьми всегда паритъ
Твой духъ священный и чудесный,
Проникнувши съ высотъ небесныхъ,
И слабыхъ въ вѣрѣ укрѣпитъ.

Студ. Фил. А. . . . С. . . . . .

КАНТЪ.

Церкви другъ неоцѣненный!
Пастырь добрый, несравненный!
Можемъ ли забыть Тебя,

Чьими славными дѣлами,
Благотворности лучами
Цвѣлъ и красился Сіонъ, —

Свѣтомъ мудрости небесной,
Духа доблестью чудесной.
Гдѣжъ доброты безпримѣрны
И струи щедротъ безмѣрныхъ,
Кои изливалъ на насъ?

Гдѣ любезна добродѣтель,
Гдѣ безсмертный Благодѣтель
Сирымъ, бѣднымъ и вдовамъ?

Гдѣ? Ахъ! смерть неумолима
Насъ Отца на вѣкъ лишила.

Но прервемъ мы стонъ плачевной,
Вѣчной славой облеченный:
Тамъ живетъ Онъ въ небесахъ,
Здѣсь въ сыновнихъ живъ сердцахъ. —

Хоръ пріятный возъиграемъ,
Съ чувствомъ съединимъ сердца!
Мы безсмертье прославляемъ
Пастыря, вождя, Отца.

Катится волна, крутится,
Вдругъ скрывается въ водахъ:
Годъ — за годомъ погрузится
Въ неизмѣримыхъ вѣкахъ.

Духъ же время побѣждаетъ,
Славой въ вѣкъ себя вѣнчаетъ —
Кто громъ можетъ укротить?
Солнце міра угасить?

Вѣры истинный ревнитель
Въ богѣ, — въ вѣчности живетъ,
Церкви другъ и Покровитель
Въ сердцѣ нашемъ не умретъ.

Такъ, ПЛАТОНЪ! въ Твоихъ дѣлахъ
Всѣхъ міровъ существъ свѣтило
Свѣтъ небесный къ намъ излило
Въ немерцаемыхъ лучахъ.

Но и въ Царствѣ вѣчной славы
Насъ любить не преставай;
И паря съ высотъ надъ нами,
Чувствія Твои вливай! —

Ст. Бог. М. . . . . Б. . . . .

Всѣ сіи Стихотворенія пѣты и читаны студентами и учениками въ авдиторіи Лаврской Семинаріи, при собраніи Ноября 11 дня 1813 года, въ годовое поминовеніе Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита ПЛАТОНА, по совершеніи въ Троицкомъ Соборѣ литургіи, откуда шествуемо было порядкомъ въ авдиторію, а изъ авдиторіи послѣ сей церемоніи также порядкомъ семинаристы отправлены къ гробу въ Виѳанію.